

Е. В. Яковлева. *Малые народности Приамурья после социалистической революции*, Хабаровск, 1957, 77 стр.

Специальная литература, вышедшая за последнее время, о народах советского Дальнего Востока, в частности о народах Приамурья, очень скудна. Этнографические исследования об отдельных народностях ограничиваются книгами И. Лопатина о нанайцах¹ и А. Золотарева об ульчах². Существенное значение имел выход в свет тома «Народы Сибири»³, где имеются и статьи о народах Дальнего Востока. Специальных же исследований о современном положении этих народов, тем более — о процессе перестройки всего их жизненного уклада после Великой Октябрьской социалистической революции — почти не появлялось⁴.

Естественно, что выход каждой новой работы на эту тему вызывает большой интерес. Рецензируемая брошюра Е. В. Яковлевой должна в известной мере заполнить существующий пробел; автор — местный хабаровский научный работник — использовала для своей работы обширные архивные материалы, а также, как можно думать (хотя она прямо об этом и не сообщает), личные материалы, наблюдения и данные периодической печати.

Основной задачей автора было показать процесс перехода малых народностей Приамурья от первобытно-общинного строя к социализму, процесс перестройки всей жизни этих народностей. Книга делится на три основных раздела: «Малые народности Приамурья до Октябрьской социалистической революции», «Переход малых народностей Приамурья от патриархально-родового строя к социализму», «Малые народности Приамурья в период социализма».

По замыслу это издание очень нужное и полезное, но такое впечатление нарушает первый раздел, свидетельствующий о том, как мало работники на местах знакомы с бытом местных народностей, как еще живо до сих пор пренебрежительное, неправильное отношение ко всей культуре, созданной ими в прошлом. Можно предполагать, что автором владела идея на фоне мрачного прошлого этих народностей более ярко оттенить все достижения, к которым они ныне пришли, но и это не оправдывает архаизации дореволюционного быта народностей Приамурья.

«Основной общественной жизни малых народностей Дальнего Востока, — пишет автор, — являлся род, члены которого имели одного предка и сообща вели свое хозяйство. Род имел общие места для ловли рыбы и охоты, общие дома и культовые сооружения» (стр. 4). Так как работа посвящена малым народностям Приамурья, по-видимому, именно их и имел в виду автор. Но у нанайцев, ульчей, удэгейцев, орочей нивхов род в том виде, как представлено в приведенной выдержке, не существовал ни в XIX в. (на стр. 6 автор говорит, что со второй половины XIX в. у народов Приамурья начинается разложение рода), ни гораздо раньше. Уже в XVII в. пушнина поступала в сферу товарного обращения, и это постепенно приводило к разложению родовых устоев. Об общих родовых домах, общем хозяйстве всех членов рода, якобы существовавших у народностей Приамурья, мы узнали только из рецензируемой книги, но из каких источников это взято — неизвестно. Нужно было ясно сказать, что в XIX в. сохранились только отдельные пережитки родового строя.

Автор приводит и ряд совершенно неверных «этнографических» сведений о прошлом малых народностей Приамурья. «Как только девочке исполнялось 5—6 лет, родители выдавали ее замуж, получая выкуп от родителей жениха. Нередки были случаи, когда девочка в возрасте 5—6 лет выдавалась замуж за мужчину 25—30 лет, и брачная жизнь девочки начиналась задолго до половой зрелости» (стр. 6). Истины ради нужно сказать, что браки в столь раннем возрасте заключались гораздо реже, чем в возрасте 12—16 лет для девочки. Но даже если и имели место столь ранние браки и если при этом девочка действительно переселялась в дом своего будущего мужа, фактическая брачная жизнь по обычаям, существовавшим у этих народов, начиналась как раз с наступлением половой зрелости.

Этнографических ошибок в небольшом первом разделе книги очень много: экзогамия объявляется пережитком группового брака (стр. 5), у народов Приамурья вместо дощатых лодок оказываются кожаные. На стр. 7 изображено «старое жилище тунгусов», относящееся не к Приамурью, а к северо-востоку (по современному административному делению — Магаданская область). На стр. 9 дана подпись под фотоснимком: «Старое орудие лова — „пасть“ на медведя. Ульчский район»; но этот снимок — не из Ульчского района, а также из северо-восточных районов страны, о чем свидетельствует одежда на человеке, стоящем около пасти. На Амуре же «пасть» никогда не употреблялась.

¹ См. И. Лопатин, Гольды амурские, уссурийские, сунгарийские, Владивосток, 1922.

² См. А. М. Золотарев, Родовой строй и религия ульчей, Хабаровск, 1939.

³ «Народы Сибири» под ред. М. Г. Левина и Л. П. Потапова (из серии «Народы мира», издаваемой Институтом этнографии АН СССР), М.—Л., 1956.

⁴ Эта лакуна несколько восполняется книгой М. А. Сергеева «Некапиталистический путь развития малых народов Севера» (Тр. Ин-та этнографии АН СССР. Новая серия, т. XXVII, М.—Л., 1955); однако материалы о народах Приамурья там теряются в общей массе сведений обо всех народах севера Сибири и Дальнего Востока.

«Бичом народностей Приамурья были венерические заболевания и туберкулез (стр. 8). Венерические заболевания среди малых народностей Приамурья не были распространены, можно говорить лишь об исключительных случаях»⁵.

Рыбу, мясо зверей, растения якобы «употребляли в пищу чаще в сыром виде (стр. 4). Версия о сыроядении у народов Приамурья усиленно раздувалась раньше в Дальнем Востоке; но ульчи, нанайцы и другие народности Приамурья более 90 потребляемой рыбы ели и раньше в вяленном, сушеном, вареном и жареном виде, мя же в сыром виде почти не ели.

Дореволюционная культура народов Приамурья описана в книге так, что население кажется стоявшим тогда чуть ли не на грани дикости. Это не соответствует действительности, так как эти народности принесли из прошлого в современную жизнь ряд весьма полезных элементов культуры (старинных орудий труда, тип лодок, лыж и проч.). Трудовые навыки также в значительной степени унаследованы современными коренным населением от прошлого: нивхи, ульчи, орочи, нанайцы и сейчас лучшие рыбаки в крае, а удэгейцы — лучшие охотники.

Мы очень далеки от идеализации прошлого народов Приамурья, но считаем, что это прошлое историку нужно рассматривать, исходя из истинных фактов.

Автор, дающий общую картину истории народностей Приамурья с дореволюционного времени до современности, должен был хотя бы обмолвиться об участии в местном партизанском движении.

Основной раздел книги — «Переход малых народностей Приамурья от патриархально-родового строя к социализму» — в целом мы расцениваем положительно; и определяется ценность данного исследования. Собран воедино и систематизирован материал, показывающий, какую большую работу проделали центральные правительственные органы и местные дальневосточные партийные и советские организации и подвиги экономики, культуры, быта малых народностей Приамурья.

Но и в этом разделе имеется много существенных недочетов. На стр. 20 — автор рассказывает о том, как якобы создавались родовые советы у народов Приамурья в 1923 г. Автор утверждает, что «опыт создания Советов на основе родового принципа у народов Дальнего Востока оправдал себя и был распространен на все районы Севера, где проживали малые народности» (стр. 23). Но в Приамурье создавали и не могли создавать родовых советов, так как здесь от рода остались лишь пережитки, а у чукчей и коряков рода к этому периоду уже не существовало.

Автор правильно указывает, что вопросы национального районирования «явились важным моментом национального строительства и развития советской государственности у малых народностей» (стр. 25). Однако вопросы эти рассмотрены в книге весьма поверхностно, и действительно важный процесс районирования на нижнем Амуре, длившийся несколько лет, остался не раскрытым. Автор сообщает, что к 1934 г. национальное районирование на Амуре было закончено и что к этому времени было создано восемь национальных районов, но по какому принципу они создавались — не говорится. На стр. 38 и др. упоминаются Куканский, Лимано-Гилякский и Амуро-Тунгусский районы. Однако этих районов уже не существует. Нужно было конкретно сказать, когда же были созданы современные районы нижнего Амура и почему были ликвидированы созданные ранее.

Отмечая мероприятия по подъему культуры и называя учебные заведения, подготовившие кадры интеллигенции из представителей северных народностей в 1920—1930-х годах, Е. В. Яковлева не упоминает об Институте народов Севера, в котором, как известно, училось и много представителей нижеамурских народностей и который сыграл важную роль в подъеме их культуры. В то же время говорится о Северном отделении при Педагогическом институте имени Герцена в Ленинграде, хотя это отделение было открыто лишь после Великой Отечественной войны.

Думается, что этот важный раздел работы с большим основанием можно было бы назвать «Мероприятия партийных и советских органов Дальнего Востока и правительственные постановления, направленные на подъем культуры и экономики народов Дальнего Востока», а не «Переход малых народностей Приамурья от патриархально-родового строя к социализму», так как конкретные материалы, показывающие, как претворялись все эти решения и постановления у народов Приамурья, в этом разделе почти отсутствуют.

Однако даваемая автором, хотя и не полная, сводка официальных постановлений по этим вопросам все же представляет значительный интерес.

В разделе «Малые народности Приамурья в период социализма» дана краткая, но яркая картина современного положения этих народностей: возросла экономика нанайских, ульчских, удэгейских, орочских, нивхских колхозов, в них появилась новая техника. Многие рыбаки и охотники из малых народностей прославились на весь Хабаров-

⁵ Об этом свидетельствуют такие серьезные исследования, как «Медико-топографические очерки Амурского края» Ф. Шперка («Сб. соч. по судебной медицине», т. III, СПб., 1881), «Приморская область в санитарном отношении» Н. Зеланда («Военно-медицинский журнал», ч. 144, кн. VII, СПб., 1882), «Протоколы второго Хабаровского съезда врачей» (Хабаровск, 1901) и другие работы

ский край. Приводимый автором в доказательство этих положений материал убедителен. Характеризуя изменившийся современный быт этих народностей, следовало бы сказать, что у них ныне почти не осталось неэлектрифицированных и совсем не осталось нерадиофицированных селений и жилищ.

Существенным пробелом рецензируемой книги является то, что в ней ничего не сказано о постановлении 1948 г., согласно которому правительство взяло на себя все расходы по содержанию учащихся малых народов Севера не только в школьных интернатах, но и в вузах и средних специальных учебных заведениях.

Говоря о создании национальной интеллигенции — целой «армии» педагогов, клубных работников, медицинских сестер, партийных и советских работников, автору нельзя было не сказать о последнем достижении — о появлении врачей из ульчей, нанайцев и других малых народностей. Из их среды вышли также писатели, поэты, художники, научные работники. Приводя ряд имен, автор и тут допустил некоторые фактические ошибки. Так, С. Н. Онинко назван учителем Ульчского района, готовящим диссертацию по языку нанай, тогда как в действительности он уже несколько лет назад защитил диссертацию и задолго до того являлся сотрудником Института языкознания АН СССР; на стр. 69 говорится, что ульч А. Вальдо является секретарем Ульчского райисполкома, в действительности же он с 1957 г. работает ответственным редактором районной газеты «Красный Север».

В целом рецензируемая книга, хотя и изобилующая ошибками и существенными пробелами, дает общую картину большой работы, проделанной партийными и советскими органами среди малых народов Приамурья по перестройке их культуры и экономики. Чтобы глубоко показать эти процессы перестройки, необходимы кропотливые исследования по отдельным народностям, внимательное изучение их прошлого и современного быта.

В заключение мы еще раз хотим подчеркнуть, что рецензируемая работа показывает, насколько необходимо издание трудов, раскрывающих прошлое и настоящее народов Дальнего Востока, и в частности народов Приамурья.

А. В. Смоляк

«Ученые записки Государственного педагогического института имени А. И. Герцена», т. 132, Факультет Народов Крайнего Севера, Л., 1957, 277 стр.

Как отмечено в предисловии, данная книга является вторым томом «Трудов» сотрудников факультета Народов Крайнего Севера. По существу же это — четвертый том. Два первых — работы тех же лиц — были выпущены Ленинградским государственным университетом в серии его «Ученых записок» (№ 115, 1950 — вып. 1; № 157, 1953 — вып. 2).

Рецензируемый том включает три статьи, посвященные социалистическому строительству в национальных округах и районах народов Крайнего Севера в связи с 25-летием существования национальных округов; три статьи — по отдельным вопросам истории; две — по некоторым вопросам фольклора; в четырех — приведены материалы по загадкам народов Крайнего Севера.

Статья Н. Н. Степанова и Н. М. Ковязина «25-летие национальных округов Крайнего Севера» (стр. 5—25) представляет собою обзорный доклад на сессии факультета Народов Крайнего Севера, посвященной этому юбилею. Статья предваряется кратким историческим очерком состояния народов Севера в досоветский период; в ней приводятся высказывания представителей дворянско-буржуазной науки об обреченности народов Крайнего Севера и высказывания революционных демократов (В. Г. Белинский, А. П. Щапов) о необходимости оказания помощи этим народам. Основная же часть статьи — иллюстрация ленинской национальной политики применительно к народам Крайнего Севера. Отметим, что в создании новых очагов промышленности и культуры на Севере активное участие принимали представители этих народов, авторы дают исторический обзор создания советской государственности у народов Крайнего Севера начиная с 1922 г. (организация родовых советов, прекращение деятельности частного капитала, развертывание государственной и кооперативной торговой сети, землеустройство, ограничение и вытеснение эксплуататорских групп, культурное строительство, подготовка кадров, организация национальных округов и районов, национально-территориальное районирование, коллективизация и техническая реконструкция хозяйства). По конституции 1936 г. народы Крайнего Севера получили представительство в Совете Национальностей. Вместе с другими народами они защищали родину во время Великой Отечественной войны и участвовали в восстановлении хозяйства после войны.

В статье вызывает сомнение следующее замечание авторов: «Народности Крайнего Севера первыми заселили тайгу и тундру, приручили северного оленя, вышли к берегам Ледовитого и Тихого океанов и первыми начали плавать в их... водах»